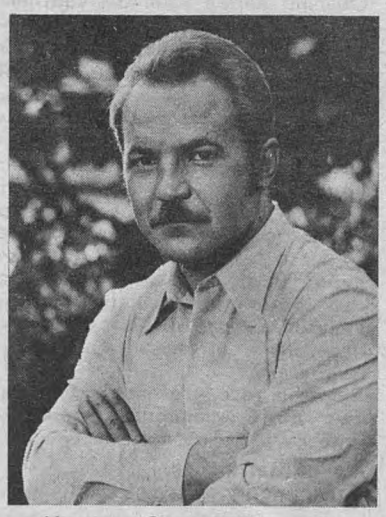
АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

Время инакомыслящих

На вопросы корреспондента «Собеседника» отвечает народный артист РСФСР главный режиссер московского Театра на Таганке, кинорежиссер Николай Губенко.



— Николай Николаевич, сейчас на экраны выходит ваш новый фильм «Запретная зона». Когда фильм готов, зрителей всегда интересует вопрос: «А как шла работа над картиной?»

— Замысел фильма возник в 1984 году, когда летом в центральных областях пронесся страшный смерч, уничтоживший целые деревни, унесший человеческие жизни. На второй день после несчастья я поехал в эти места и провел там довольно много времени. Затем в течение года писал сценарий...

Работая над фильмом, я хотел выйти за пределы одного события. Поэтому, когда у меня спрашивают, есть ли конкретные прототипы у персонажей картины, отвечаю: «Мы все — прототипы. Все». Меня волновали человеческие отношения на данном этапе развития нашего общества. А жизнь предложила конкретный материал — трагедию, которую принес летний смерч 1984 года. И оказалось, что в таких экстремальных ситуациях мы нередко бываем несостоятельными. В обществе, которое задумывалось как самое гуманное из всех существующих, появляются трещины между отдельными его прослойками. И трещины эти грозят превратиться в пропасть — вот что вызывает сегодня мою тревогу.

Существует мнение, и оно довольно распространено, что несчастье сплачивает людей. Антон Павлович Чехов, напротив, говорил, что ничто так не разъединяет людей, как приключившаяся беда. Меня тревожит, что мы оказываемся все менее состоятельными в нравственном отношении, что сегодня утеряно традиционное для нашей страны, естественное и необсуждаемое стремление — оторвать кусок от своего пирога и протянуть его нуждающемуся. Замечательно, что сегодня так много говорят о милосердии, но разве не страшен сам факт, что возникла необходимость говорить об этом!

— Николай Николаевич, съемки фильма проходили в местах недавних трагических событий, видимо, и сам процесс работы был некоей нравственной школой для участников съемок?

— Конечно, хотя само понятие «нравственная школа» трудно определимо словами. На съемках фильма мы еще раз убедились в такой простой истине: правду нельзя сыграть или выдумать. Те, кто увидит фильм, мне кажется, наверняка запомнят один его персонаж — старика инвалида Семена Акимовича, человека с прекрасным русским лицом, иссеченным морщинами. Это не профессиональный артист. Несколько очень хороших актеров пробовались на эту роль, и прошли пробы неплохо, но такого присутствия личности, как у этого простого и прекрасного человека, солдата, инвалида с апреля 1945-го, в этих пробах не было и не могло быть. Он вообще, мне кажется, мог бы просто молчать — и вся правда читалась бы с этого замечательного лица. Во время съемок для всех профессиональных артистов он был камертоном правды. Я вообще мечтаю когда-нибудь сделать фильм только с непрофессиональными актерами.

Кадры из фильма «Запретная зона».

— Но в «Запретной зоне» — замечательная команда актеров-профессионалов. И почему, кстати, вы сами не сыграли никакой роли в своем фильме?

— Да, актеры в картине снялись замечательные и образы создали неоднозначные. Герой Кирилла Лаврова, например, мне очень симпатичен, он человек чувствующий и постоянно сомневающийся, мне кажется, в этом умении сомневаться — главная наша надежда. Иннокентий Смоктуновский играет доброго и благородного музыканта, без тени сомнения заселившего свою небогатую и к тому же накануне ограбленную дачу чужими стариками и детьми. Героиня Жанны Болотовой — тоже из породы негромких, но истово убежденных, твердых, забывающих себя ради людей настоящих, без кавычек, слуг народа. Вот такие только работники Советской власти ей, народной власти, и нужны.

Сам не снимался, потому что считаю, что режиссер не должен играть в собственных картинах. Когда подобное было раньше — от безвыходности. А с другими режиссерами работаю с удовольствием.

— Вы были совершенно благополучным, активно снимающим, играющим, «киношным» человеком. И вдруг — театр? Да не просто театр, а самое яркое театральное слово 60-х и 70-х — Таганка. Уверена, что вас со всех сторон засыпают вопросами: почему, зачем это нужно, что хотите доказать?..

— Я в полной мере сознаю, что театральная режиссура — это не мой удел. Однако есть ситуации в жизни, когда надо отказываться от себя. Именно такой оказалась драматическая ситуация Таганки. В 1983 году произошел раскол между труппой театра и чиновниками от культуры. Выдвигаемые театру обвинения доходили до абсурда: например, утверждалось, что спектакль «Борис Годунов», репетиции которого шли в течение года, выпущен якобы к смерти Брежнева. Кто же мог за год эту смерть «запланировать»!! Думаю, даже Госплану это было бы не под силу. О том, что замыслы у творческих людей не выпекаются как блины, и, следовательно, надо бы открутить еще какое-то время назад от внушающей трепет даты, никто и не задумался. Зачем же, ярлык-то уже готов и навешен. Трижды приглашались на художественный совет люди, от которых в ту пору зависели судьбы и самих деятелей искусства, и их произведений,— и трижды этот худсовет, принимающий готовый спектакль «Борис Годунов», не мог состояться по причине их отказа прийти. Один за другим были закрыты спектакли «Владимир Высоцкий» и «Борис Годунов». Работавший в Лондоне по договору Министерства культуры СССР Юрий Любимов был лишен советского гражданства.

Анатолий Эфрос был талантливым режиссером иного направления. Повторяю: талантливым, но направления иного. Придя на Таганку, он хотел осуществить синтез двух совершенно различных театров — театра Любимова и театра Эфроса. То, что началось после смерти А. Эфроса и теперь тоже расцветает пышным цветом, поражает. Множатся письма в самые разные инстанции. Да и в печати появляются высказывания, мягко говоря, недобросовестные, к примеру, о насильственном сокращении в театре спектаклей, поставленных Эфросом. Как же можно так безответственно выступать, зная, что газету будут читать миллионы людей! Я подчеркиваю: ни один спектакль, поставленный в Театре на Таганке А. В. Эфросом, не был снят с репертуара; ни один актер, приглашенный им в труппу, из театра не увольнялся.

Да, есть кликуши, которым нравится устраивать бесконечные скандалы. Но ведь надо понимать, что драматическая ситуация в Театре на Таганке была процессом человеческой притирки. Эфрос был принят в театр так, как был бы принят любой другой режиссер. Я уверен: если бы в разгар гонений на Любимова появилось письмо восьми — десяти крупных театральных деятелей в поддержку Любимова, наверняка удалось бы спасти и его, и Эфроса, и театр. Происшедшая драма с Театром на Таганке — результат подавления индивидуальности Художника некомпетентными людьми, результат насильственного администрирования, командно-бюрократического управления культурой.

— Есть ли позитивные сдвиги в сложившейся ситуации в последнее время?

— Безусловно. Мы встретились с Любимовым в Испании, куда привезли спектакль «Мать», который Юрий Петрович поставил 20 лет назад. Это — уникальная постановка. Она имела оглушительный успех. Мы уговорились о приезде Любимова в Москву. Он приехал. Приехал как частное лицо по моему приглашению на непродолжительное время. Приехал выпускать «Бориса Годунова». Состоялась премьера. Сегодня Юрий Любимов — в «десятке» лучших режиссеров мира, вместе со Стреллером, Бруком, Штайном. За четыре с лишним года своего вынужденного отсутствия он поставил 25(!) спектаклей, и всегда это была пропаганда лучших образцов русской культуры: Чайковский, Мусоргский, Пушкин, Достоевский, Булгаков. Но нельзя же не понимать, что лишенный — не по своей воле — национальной основы и национальной аудитории, он не может работать в полную силу. Человек, проживший в родной стране 66 лет, сделавший за два десятилетия свой театр истинным оплотом передовой интеллигенции, способствовавший своим искусством процессам демократизации общества еще задолго до того, как перестройка стала реальностью,— этот человек должен иметь возможность работать на Родине. Сейчас он приехал на Таганку делать два спектакля: «Живой» Б. Можаева и «Бесы» Ф. Достоевского.

Нельзя, в самом деле, так разбрасываться национальными достояниями. Ю. Любимов, Р. Ростропович, Э. Неизвестный, И. Бродский должны быть по эту сторону. Даже не обязательно географически, но духовно.

Когда актеры Таганки позвали меня стать их главным режиссером, для меня это было неожиданностью, но, наверное, они увидели во мне человека, который может их сплотить. Мне ничуть не досадно, когда меня называют «режиссером-восстановителем». Восстанавливая любимовские спектакли, я пытаюсь на этом восстановлении учиться. Важнее всего остального для меня — возродить само направление. А насчет своей самостоятельной театральной режиссуры иллюзий я не питаю. Надо пробовать.

— Скажите, Николай Николаевич, как продвигаются дела с открытием музея Владимира Высоцкого?

— Музей откроется, сейчас этот вопрос решен окончательно. В Театре на Таганке есть настоящие подвижники, хранители памяти Высоцкого. Мне кажется, что того материала, который собран сейчас, уже хватило бы на несколько музеев. Но театр и музей — разные вещи, и не нужно Театр на Таганке превращать в музей. Опять же — вокруг целая кампания кликушества, тиражирования имени Высоцкого, много грязных рук торгуют у его могилы фотографиями — с порнографическими открытками вперемешку. Ужасает эта наша традиция посмертного признания...

— Николай Николаевич, в нашем интервью я не могу обойти молчанием работу, в которой вы жили последние пять лет,— я имею в виду образ Ленина в телесериале режиссера В. Лисаковича «В. И. Ленин. Страницы жизни». В это время происходили большие события в вашей творческой жизни, о них мы сегодня говорили. В это время происходили и переломные события в жизни всей страны. Как вы относитесь к переменам?

— По поводу сегодняшней жизни. Думаю, что это наш последний шанс. И если мы его сейчас не используем, может последовать крах. Надо же, в конце концов, осознать, что нас — 280 миллионов разнообразно мыслящих людей. И в этом разнообразии заключено главное. Мы должны быть уверены и обнадежены тем, что мы думаем по-разному. Прожив пять лет в тесном контакте с образом Ленина, я убедился, что Ленин — величайший инакомыслящий. Сегодня мы постепенно, еще очень постепенно возвращаемся к нормальным принципам человеческого сосуществования, разнообразия человеческих проявлений. Главное в нашей сегодняшней жизни, чтобы народ мог использовать возможности каждой индивидуальности. Но оппозиция перестройке существует, и особенно сильна она именно в неприятии общества разномыслящих индивидуумов. Для оппозиции идеал: все думают как один. Бороться с такими настроениями сложно, потому что это настроения не одного дня. Я убежден, что нельзя все сваливать на отдельные исторические личности. Ибо каждый живущий человек — индивидуальность, и в общей беде — доля ответственности каждого. Сейчас для всех нас — время выбора, время принятия решения.

Беседу вела
Инна Рогачий.